

тель, весьма пристыженная и раздосадованная; но впору приходилось ей повиноваться.

Когда добрый сеньор очутился в комнате и зажег свечу, то полюбовался он уютной компанией, собравшейся в постели, и сказал:

– На здоровье вам, сударыня, да и вам, мой оруженосец!

– Покорно благодарю, монсеньор, – отвечал тот.

Но красotka, которой уж до того было невоготу, – ну вот-вот сердце из живота выскочит, – не могла вымолвить ни слова и совсем уверилась в том, будто оруженосец пришел к ней по желанию и указанию рыцаря, на коего она за это так сердилась, что и сказать невозможно.

– А кто показал вам дорогу сюда, почтенный оруженосец? – спросил рыцарь.

– Ваш мул, монсеньор, – отвечал тот. – Я застал сто внизу перед замком, когда отужинал с вами; он был одинок и покинут, и я спросил его, чего он дожидается; а он отвечал, что вас и своего чепрака. «А куда лежит путь?» – спросил я. «Туда, куда каждый день ездим», – сказал он. «Я наверное знаю, – сказал я, – что хозяин твой нынче не выйдет: он пошел спать. Но свежи меня туда, куда он обычно ездит, очень тебя прошу». Он согласился, я сел на него, и он привез меня сюда, спасибо ему.

– Пошли бог черный год паскудному скоту, который меня выдал, – сказал добрый сеньор.

– О, вы это честно заработали, монсеньор, – сказала дама, когда дар речи к ней вернулся. – Я отлично вижу, что вы надо мной измыиваетесь, но знайте – чести вам от того не прибавит. Ежели сами вы больше не хотели приходить, так незачем вам было присылать другого вместо себя. Плохо вас знает, кто сам вас не видал.

– Разрази меня бог! Я его не присылал! – сказал тот. – Но раз он тут, я его прогонять не стану. Да, кроме того, тут на нас двоих хватит. Не так ли, приятель?

– Совершенно верно, монсеньор, – отвечал оруженосец – добыча – пополам. Я согласен. А теперь надо спрыснуть сделку.

И тут повернулся он к поставцу, налил вина в объемистую чашу, там стоявшую, и сказал:

– Пью за ваше здоровье, любезный сотоварищ!

– Отвечаю тем же, сотоварищ! – сказал сеньор и велел налить вина красотке, которая ни за что не соглашалась выпить; но под конец волей-неволей пригубила чашу.

– Ну, ладно, сотоварищ, – сказал благородный рыцарь, – оставляю вас здесь; работайте на славу; нынче – ваша очередь, завтра – моя, с божьего соизволения. Прошу вас, ежели застанете меня здесь, обойтись со мной столь же любезно, как я с вами.

– Так оно и будет, сотоварищ, видит меня пресвятая богородица! – сказал оруженосец. – Можете в том не сомневаться.

Тут добрый рыцарь удалился и оставил там оруженосца, который в ту первую ночь сделал все, что мог. А затем он объявил даме всю как есть правду о своем приключении, чем она оказалась несколько более довольна, чем ежели бы рыцарь его прислал.

Вот так-то, как вы слышали, была дама обманута мулом и принуждена подчиниться и рыцарю и оруженосцу, каждому в свой черед, к сему она в конце концов привыкла и несла крест со смирением. Но хорошо во всем этом деле было то, что, ежели рыцарь и оруженосец крепко любили друг друга до вышесказанного приключения, то любовь между ними удвоилась после сего случая, который у других, менее разумных, вызвал бы распрю и смертельную ненависть.

Новелла XXXVII

Рассказана монсеньором де ла Рош¹⁷

Покуда другие будут думать и вызывать в памяти какие-либо происшедшие и случившиеся события, годные и подходящие для присовокупления к настоящему повествованию, я расскажу вам в кратких словах, как был обманут в нашем королевстве самый ревнивый в свое время человек. Я готов верить, что он не один запятнан был этим недугом; но так как у него сие проявлялось свыше положенной меры, то не могу не оповестить вас о забавной шутке, которую с ним сыграли.

Добрый тот ревнивец, о коем я повествую, был превеликим историком, то есть много видал,

---

¹⁷ *Монсеньор де ла Рош* – Филипп По (1428–1494), один из советников герцога Бургундского Карла Смелого, затем французского короля Людовика XI. Де ла Рошу приписаны в сборнике двенадцать новелл, видимо, поэтому его считали одним из авторов книги.